

ANNA BEDNARCZYK

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173

ПО ВОЛНАМ АМУРА – УВЛЕЧЕНИЯ РУССКОЙ ПЕСНЕЙ, ПОРЫВЫ ЧУВСТВ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЙОНАША КОФТЫ

ON THE WAVES OF THE AMUR – FASCINATION WITH RUSSIAN SONGS, GUSTS OF FEELINGS AND POETICS TRANSFORMATIONS OF JONASZ KOFTA

Автор рассматривает разные виды трансформаций, которым подвергаются словесно-музыкальные тексты в процессе введения в другую культуру. Материалом для анализа стали произведения Йонаша Кофты, базирующие в основном на русских мотивах, музыке и текстах песен. Оказывается, что польский вариант необязательно является переводом, он может быть и пародией, и совсем новым произведением, и даже мистификацией.

Ключевые слова: перевод, пародия, мотив, Йонаш Кофта.

The author examines various types of transformations which a musical texts undergoes when it is introduced into a different culture. As the material for the analysis served poems of Jonasz Kofta, relying strongly on Russian motifs, Russian music and song lyrics. It turns out that the Polish version is not necessarily a translation: it may also be a parody, a completely new text or even a mystification.

Keywords: translation, parody, motif, Jonasz Kofta.

Tom drugi otwierają *Fale Amuru*. Ta część powstała właściwie dość niespodziewanie – to zbiór rosyjskich romanśów, które Jonasz tłumaczył i pastiszował, choć nie tylko, bo pisał też własne. Okazało się, że jest to tak istotny segment jego twórczości, że warto o wydzielić z całej reszty¹.

---

¹ *Kup mi jedną grubą i jedną cienką*. O Jonaszu i jego twórczości rozmawiają Jaga Kofta i Piotr Kofta, [w:] J. Kofta, *Co to jest miłość. Wiersze i piosenki zebrane*, Warszawa 2011, t. 2, s. 5–6.

Именно так Яга и Петр Кофта объясняют введение ими в собрание сочинений Йонаша Кофты отдельной части со стихами, напоминающими русские романсы, возникшими на их основе, с использованием характерных образов и реалий, а также с польскими переводами-адаптировками² русских песен и романсов. Составители посмертно изданных текстов польского поэта упоминают об увлечении Кофты танго Оскара Строка и романсами Александра Вертинского³. Поэтому в части сборника, озаглавленной *Fale Amuru*, появились тексты, в которых наблюдается обращение к традиции русского романса, использование типичных для него лексико-семантических, стилистических и характерных для такого рода песен, музыкальных элементов. Рассматривая их, следует учесть некоторую интертекстуальность, а также и «интермузыкальный» фон произведений Кофты. Польский читатель найдет здесь переводы и адаптации песен таких известных авторов-исполнителей (бардов), как упомянутые уже Вертинский и Новелла Матвеева. Вместе с тем стоит заметить, что предлагаемые в книге Кофты произведения не всегда используют музыку Строка или Вертинского. Авторы текстов тоже разные. Кстати, в некоторых случаях их единственным автором является именно Кофта.

Итак, в настоящей статье мы предлагаем заняться вопросом о трансформации русского романса польским поэтом, о стилизации, адаптации и переводе. Рассуждая о трансформациях, которым подверглись русские песни в «обработке» Кофты, и об использовании польским автором русского (словесного и музыкального) материала, мы попытаемся указать, каким образом поэт воплотил в своих песнях наблюдаемые в подлиннике порывы чувств. Попытаемся также ответить на вопрос об их сохранении в целевом тексте и целевой культуре. Материалом для наших исследований послужат избранные стихи, помещенные в указанном собрании сочинений польского автора.

По Волнам Амуре – про знакомое незнакомое

Волны Амуре – именно так можно перевести заглавие интересующей нас части собрания сочинений Кофты и, заодно, заглавие стихотворения, открывающего эту часть книги – *Fale Amuru*⁴. Но мы напрасно искали бы русский первоисточник данного романса, если ориентиром стал бы его словесный текст. Более того, мы непременно нашли бы вальс *Амурские волны*, который в начале XX века сочинил Макс Кюсс и к которому в начале 50-ых годов это-

² Термин «адаптовка» относится к переделкам, приспособляющим данный текст к другой социокультурной полисистеме.

³ *Kup mi jedną grubą i jedną cienką...*, с. 27.

⁴ J. Kofta, *Fale Amuru*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 33–34.

го же столетия Серафим Попов сочинил словесный текст, переработанный позднее Константином Васильевым. Однако текст, несколько строк которого процитируем, нисколько не похож на романс, зато сильно напоминает патристическую песню. Ниже цитируется первый и один из последующих куплетов произведения:

Плавно Амур свои волны несет,
 Ветер сибирский им песни поет.
 Тихо шумит над Амуром тайга,
 Ходит пенная волна,
 Пенная волна плещет,
 Величава и вольна.
 [...]
 Красоты и силы полны,
 Хороши Амура волны.
 Серебрятся волны,
Славой Родины горды.
 Плещут, плещут силы полны,
 И стремятся к морю волны,
 Серебрятся волны,
Славой русскою горды⁵.

Возможно, что использование заглавия было связано с порывом сердца польского автора, возможно также, что Кофте известна была история вальса, согласно которой Кюсс написал его для Веры Яковлевны Кириленко. Однако польский текст, который нисколько не напоминает цитированный первоисточник, несомненно, напоминает романс, кроме того, он написан в ритме вальса:

Już nic
 Nie ma w nas
 To ostatni nasz walc
 Raz,
 Jeszcze raz
 To już koniec
 – Nie wszystko
 Stracone [...]»⁶.

Отметим, что в песне появились такие характерные для романса мотивы, как выражение конца: последний вальс, конец, игра окончена, вальс

⁵ М. Кюсс (муз.), С. Попов, К. Васильев (сл.), *Амурские волны*, [Электронный ресурс] <http://romance.ru/cgi-bin/index.cgi?page=143&item=809&sort=H1&pagenum=0> [30.03.2015].

⁶ J. Kofta, *Fale Amuru*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 33.

кончается и эмоциональное выражение чувств, часто с использованием символики: никогда не смирюсь, не спрашивай, судьба, горе (отчаяние), гнев, небо, ад, луна.

Эти мотивы найдем и в других произведениях, помещенных Ягой и Петром Кофтами в части *Fale Amuru*, независимо от того, в какой степени они относятся к волнам и к Амуру.

А все-таки Амур и даже жестокий романс – однако это Кофта

Следующее, интересующее нас произведение известно польскому реципиенту под названием *Anastazja*⁷ или *Anastazja Pietrowna*. Слова этой песни написал Кофта, а музыку Ежи Анджей Марек. Ее словесный текст намекает на русский романс, что достигается благодаря:

а) введению в польский текст транскрибированных русских слов, которые почти все записаны курсивом: «Biełaja nocz' nieukojoņa», «*Tiomnaja grust' uspokojona*», «*Lśnię złotyje epolety i biełoje lico*», «Anastazja Pietrowna: ramans», «*Twoi biełyje ruki / Twoi czornyje glaza / Tak czornyje, czto bolsze nielzia!*», «*Śmiał się czy płakał, wsio rawno*», «*Że durak jamszczyk wydumał: / Wiezu kakowa to czorta!*», «Anastazja Pietrowna / *Praszu ja Was*», «*Para konczit' ramans*»;

б) использование намеков на русские реалии, в тексте появились Санкт-Петербург, *Пиковая дама* и, конечно, «заглавная героиня» – Анастасия Петровна.

в) применение реалий, которые могут ассоциироваться с русскими офицерами, тем более, что в тексте появились и золотые эполеты, и белая ночь, и ямщик, а действие происходит в Санкт-Петербурге: «*zaraz strzeli sobie w łeb*», «*rół na rół wódka i małmazja*».

Последние примеры указывают также на связь текста Кофты с жанром жестокого романса, характерной чертой которого была не только несчастливая любовь и горе оставленного, но и частое упоминание о самоубийстве и даже смерть одного из «героев романсной истории».

Завершая рассуждения об *Anastazji*, отметим, что мотив белой ночи находим также в *Valse triste*⁸ и в *Romansie I*⁹ из цикла, называемого иногда *Biale noce*¹⁰. Эти произведения не являются ни переводами, ни переделками русских песен, а представляют собой авторские песни Кофты, намекающие на русский романс.

⁷ J. Kořta, *Anastazja*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 35–37.

⁸ J. Kořta, *Valse triste*, [в:] там же, с. 40–41.

⁹ J. Kořta, *Romans I*, [в:] там же, с. 43.

¹⁰ Романсы: *Romans I*, *Romans II*, *Romans III* записывались также с подзаголовком *Biale noce*, например, на пластинке *Song o ciszy* (1996) появился *Romans III Biale noce*.

В свою очередь и «белая ночь», и «черные глаза» приводят на мысль другие русские романсы, а именно *Белую ночь* Бориса Прозоровского на слова Бориса Тимофеева и танго *Черные глаза* Оскара Строка на слова Александра Перфильева. У польского реципиента «черные глаза» могут также ассоциироваться с известнейшим романсом на слова Евгения Гребинки *Очи черные* (стихотворение было напечатано в 1848 году), для которого была использована музыка вальса Флориана Германа в обработке Сергея Герделя (опубликована в 1884 году). Кофта это произведение тоже переделал.

***Очи черные* на редкость страшные... и другие пародии**

На примере польского варианта романса *Очи черные* можно показать стратегию применения Кофтой приема пародии, так как именно пародией оказалась его версия знаменитого русского романса. В данном случае нельзя уже говорить о намеках на русские реалии, о стилизации, потому что *Oczy czornyje* Кофты¹¹ представляют собой именно пародию. Все строки песни польского автора открывает известная всем фраза *Oczy czornyje* (запись латиницей), однако, не принимая во внимание музыкальный пласт, это чуть ли не единственное сходство польского текста с русским подлинником. Прочитируем первую строфу первоисточника и «переложения» Кофты:

<i>Очи черные</i>	<i>Oczy czornyje</i>
Очи черные, очи страстные, Очи жгучие и прекрасные! Как люблю я вас, как боюсь я вас! Знать, увидел вас я в недобрый час!*	<i>Oczy czornyje</i> Postawione w ślup Gdy dopadną cię Wtedy jesteś głup <i>Oczy czornyje</i> Ich przepastna głąb Kiedy spojrzysz w nie Czujesz się jak głąb**

* Е. Гребинка, *Очи черные*, [Электронный ресурс] <http://maysterni.com/publication.php?id=32023> [01.04.2015].

** J. Kofta, *Oczy czornyje*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 38.

Здесь необходимо заметить, что стихотворение Гребинки посвящалось его будущей жене Марии Васильевне Растенберг, а Федор Шаляпин не только пел этот романс, но пополнил его несколькими куплетами, которые посвятил своей жене Иоле Торнаги. Итак, *Очи черные* оказываются произведением, возникновение которого, несомненно, связано с порывами сердца как минимум двух реально существующих лиц, автора слов и самого знаменитого

¹¹ J. Kofta, *Oczy czornyje*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 38–39.

исполнителя, который представил романс мировой публике. Стихотворение написано в романтическом духе, насыщено элементами, способствующими выражению чувств и эмоций.

Очи черные, как и многие другие популярные песни, часто переделывались в пародийном духе. Например, Владимир Высоцкий пел этот романс со словами: «Скатерть белая залита вином, Все гусары спят непробудным сном...»¹². В Польше, где романс получил популярность благодаря Виолетте Виллас, исполняющей его на русском языке, появились пародийные варианты на польском. В одном из них поется: «*Oczy czarne, szyja brudna/ weź się cofnij – boś paskudna!*»¹³. В пародии Кофты комизм построен прежде всего на отрицательном образе воспеваемых очей, которые, вопреки оригинальному тексту, не прекрасные, а ужасные. Они косят, злятся и вызывают страх:

Ich tragiczny zez
Gdy miotają gniew
Czujesz się jak pies
[...]
Mają taką moc
Milczysz niby pień
Stoisz niby kloc

Oczy czornyje
Budzą we mnie strach¹⁴.

Перед их демоническим взглядом лирический герой Кофты, со своими блеклыми (*są wyblakłe*), фиалковыми (*fioleczki dwa*) глазками, которые вместо страха вызывают всего лишь смех (*Zawsze budzą ąmiech / Zamiast budzić strach*), оказывается ничтожным существом, мечтающим иметь черные глаза, так как благодаря им он смог бы снискать любовь:

Najcudniejsza płeć
Kochała by mnie
Gdybyż tylko mieć
*Oczy czornyje*¹⁵.

Итак, «очи черные» оказываются страшными черными глазами, не столько желанными – любимыми, сколько желаемыми – востребованными.

Интересно отметить, что *Oczy czornyje* не являются единственной пародией Кофты на, в высокой степени эмоциональный, русский романс. Он

¹² Как автор слов и музыки указывается Николай Девитте, [Электронный ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=rNSVwaYaDVM>. [01.04.2015].

¹³ [Электронный ресурс] https://www.youtube.com/watch?v=j_R9d_FjTbs [01.04.2015].

¹⁴ J. Kofta, *Oczy czornyje*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 38.

¹⁵ Там же, с. 39.

пародировал также *Две гитары* на слова Аполлона Григорьева (*О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная! и Цыганская венгерка*). Используя музыку Ивана Васильева, мотив двух гитар и намек на романс, Кофта переделал текст, превращая его в сатирический. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать, например, следующие слова:

Dwie gitary grają motyw
Który we mnie szlocha
W lustrze widzę twarz idioty
I nikt mnie nie kocha
[...]
Dwie gitary gdzieś za ścianą
Wykładają gry plan
W mym barłogu stare siano
Znów złapałem trypra¹⁶.

Некоторую пародийность можно увидеть и в адаптациях песен Вертинского, где наблюдаются также некоторые элементы осовременивания и опошления текста. Хорошим примером могут послужить *List z Singapuru*¹⁷ – «перевод» одного из известнейших романсов Вертинского *Танго Магнолия* и *Liliowy Negr*¹⁸ – польский вариант *Лилового негра*. Обратим внимание на появившуюся в первом из них иронию, осуществляемую прежде всего благодаря употреблению абсурдных образов и словосочетаний: «W gorąco otępiałym Singapurze», «Pod wiatrem gną się baobabów pnie», «Tu bredzi wciąż malaria», «W zielonojadowitym Singapurze», «A lzy porasta żółta, tropikalna pleśń», которые снимают романтический характер и высокую степень эмоциональности, свойственную подлиннику. Этому способствует и ироническая трактовка лирического героя, который говорит о себе: «I pewnie znów się zbłąźnię», применяя слова из современного польского языка. В свою очередь, в песне *Liliowy Negr* замечается сильное конкретизирование и опошление поэтических образов. Приведем оба варианта первого куплета романса:

<i>Лиловый негр</i>	<i>Liliowy Negr</i>
Где Вы теперь? Кто Вам целует пальцы? Куда ушел Ваш китайчонок Ли? Вы кажется потом любили португальца? А может быть с малайцем Вы ушли...*	Gdzie jesteś, gdzie, kto ci całuje dłonie Czy z tobą jest twój amant, Chińczyk Li Czy może prawda w tym, że do Hiszpana płoniesz Czy w łóżku twym malajski książę krwi?***

* А. Вертинский, *Лиловый негр*, [Электронный ресурс] <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=14977> [01.04.2015].

** J. Kofta, *Liliowy Negr*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 52.

¹⁶ J. Kofta, *Dwie gitary*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 58–59.

¹⁷ J. Kofta, *List z Singapuru*, [в:] там же, с. 46–47.

¹⁸ J. Kofta, *Liliowy Negr*, [в:] там же, с. 52.

Бросается в глаза усиление Кофтой сексуального подтекста, который, правда, наблюдается у Вертинского, но только благодаря намекам. В польском тексте «Ваш китайчонок» превратился в «amanta», а намек на любовную связь: «с малайцем вы ушли...» конкретизировался в слова: «w łóżku twym malajski książę».

Таким образом, некоторые польские варианты русских песен, автором которых был Кофта, на самом деле являются именно вариантами, адаптациями, а не переводами. Хотя у польского автора есть и переводы в самом настоящем смысле этого слова, к чему мы еще вернемся, и не все его переделки – это пародии.

А все-таки романс...

Среди переделок встречаются и переделки другого рода, где Кофта написал польские слова к существующей музыке. В них передан мотив первоисточника и сохранен характер русского текста. Именно таким образом возник романс *Koniec dnia*, использующий музыкальное оформление романса *Только раз бывают в жизни встречи*, который Борис Фомин сочинил на слова Павла Германа. Польский автор воспроизвел и романсный характер словесного текста, однако все слова были заменены другими. Остались лишь повторяющиеся в припеве первоисточника слова «только раз»:

<i>Только раз бывают в жизни встречи</i>	<i>Koniec dnia</i>
День и ночь роняет сердце ласку, День и ночь кружится голова, День и ночь взволнованною сказкой Мне звучат твои слова.	Koniec dnia czerwonym pachnie winem szkarłat ciemny przelewa się w czerń czy owioniesz mnie znów białym dymem niewidzialna wtopiona we mgłę
Только раз бывают в жизни встречи, Только раз судьбою рвется нить, Только раз в холодный зимний вечер Мне так хочется любить!	Tylko raz czujemy wielkość nieba wtedy trzeba zastygnąć i trwać jestem sam, Ciebie już przy mnie nie ma gdy wszystko chcę Ci dać
Тает луч забытого заката, Синевой окутаны цветы. Где же ты, желанная когда-то, Где, во мне будившая мечты?*	Koniec dnia czerwonym pachnie winem ćma sfrunęła trzepotem twych rzęs ty minęłaś, ja też kiedyś minę i tak wszystko straciło już sens**

* П. Герман (сл.), Б. Фомин (муз.), *Только раз бывают в жизни встречи*, [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr3/27.shtml> [01.04.2015].

** J. Kofta, *Koniec dnia*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 96.

Несмотря на то, что Кофта написал совсем новые слова к романсу Фомина, он сохранил характер песни. В тексте можно найти характерные для русского романса элементы: указание на конец любви, конец дня (вечер)

и завершение всего (ночная бабочка); подчеркивание тленности всего («ty minęłaś, ja też kiedyś minę», «wszystko straciło już sens»); ассоциируемые с романтическим настроением: вино, дымка, туман; эмоциональность, вводящую красным и черным цветом; одиночество лирического «я».

Точно таким же способом польский поэт превратил романс *Мы только знакомы* Бориса Прозоровского на слова Льва Пеньковского в свой романс под названием *Już tylko się znamy (nic więcej)*. Кроме музыки, заглавия, слов о случайной встрече и о прежней близости в варианте Кофты не осталось ничего от текста Пеньковского. Приведем первый куплет обоих песен:

<i>Мы только знакомы</i>	<i>Już tylko się znamy (nic więcej)</i>
Спокойно и просто мы встретились с вами, В душе зажила уже старая рана, Но пропасть разрыва легла между нами – Мы только знакомы. Как странно...*	To może przypadek, że znów się widzimy Patrzymy na siebie w spokojnej udręce Spojrzenia spłowieły Przez lata i zimy Dziś tylko się znamy Nic więcej**

* Л. Пеньковский (сл.), Б. Прозоровский (муз.), *Мы только знакомы (Спокойно и просто)*, [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr2/12.shtml> [01.04.2015].

** J. Kofta, *Już tylko się znamy (nic więcej)*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 89.

Своего характера не потеряли также: польская версия романса *Гори, гори моя звезда*¹⁹, получившая у Кофты название *Płoń, moja gwiazdo*²⁰, у которой есть и переводной вариант, выполненный Тадеушем Рубниковичем²¹, а также *Bajka!*²² – трансформированная Кофтой русская народная песня *По диким степям Забайкалья (Бродяга)*²³. Однако они, на что мы уже обращали внимание, являются не столько переводами, сколько переделками русских стихов.

Например, в тексте песни *Płoń, moja gwiazdo* можем прочесть и про черные слезы (*Zapłaczysz w mrokach / Osierocona / Czarnymi łzami*), и про страшное мерцание, и холодное безумие (*Migocie straszny / Chłodny obłądzie*), и это все относится к звезде, которая в первоисточнике названа приветной, заветной, прекрасной, благодатной, незакатной. Вопреки русскому романсу, завершающие слова которого звучат:

¹⁹ В. Чуевский (сл.), П. Булахов (муз.), *Гори, гори моя звезда*, [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr1/21.shtml> [01.04.2015].

²⁰ J. Kofta, *Płoń, moja gwiazdo*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 69.

²¹ В. Чуевский (сл.), П. Булахов (муз.), *Świeć gwiazdo moich dobrych dni*, пер. Т. Rubnikowicz, [Электронный ресурс] http://www.tekstowo.pl/piosenka,ludowa_rosyjska,_1043_1086_1088_1080___1075_1086_1088_1080___1084_1086_1103___1079_1074_1077_1079___1076_1072___gori.html [01.04.2015].

²² J. Kofta, *Bajka!*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 93.

²³ J. Kofta, *Płoń, moja gwiazdo*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 69.

Умру ли я – ты над могилою
Гори, гори, моя звезда
(вариант: Гори, сияй, моя звезда!)²⁴.

Песня Кофты заканчивается словами:

Po co ci twoja nieśmiertelność
Gdy mnie już, siostró, nie będzie²⁵.

Таким образом, в польский текст вводится философский вопрос, не свойственный первоисточнику Василия Чуевского.

В свою очередь, из песни, озаглавленной *Bajkał*, исчез диалог с матерью и рассказ о судьбе отца и брата. Появилось зато типично польское пожелание счастливого пути: «*Szczyćć Boże*».

Вопрос о переводе

Однако, среди текстов, которые составители сборника произведений Кофты поместили в части *Fale Amuru*, найдем и такие, которые следует считать самыми настоящими и очень хорошо выполненными переводами. Одним из них является *Gwóźdz*²⁶ – польский вариант *Девушки из харчевни*²⁷ Новеллы Матвеевой. Если присмотреться к его словам, окажется, что отступления от подлинника очень небольшие и незначительные с точки зрения сохранения семантического пласта всего текста. Для подтверждения сказанного приведем первый и последний куплеты обоих языковых вариантов песни:

<i>Девушка из харчевни</i>	<i>Gwóźdz</i>
Любви моей ты боялся зря – Не так я страшно люблю. Мне было довольно видеть тебя, Встречать улыбку твою. [...] И в теплом ветре ловить опять То скрипок плач, то литавров медь... А что я с этого буду иметь, Того тебе не понять*.	Tak bałeś się miłości mej A ja kochałam cię mniej Wystarczył mi twój uśmiech i Obecność i więcej nic [...] Nastawić twarz na serdeczny wiatr I słyszeć cichy gitary śpiew A co ja z tego wszystkiego mam Kochany, nie twoja rzecz**.

* М. Н. Матвеева, *Девушка из харчевни*, [Электронный ресурс] <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=8772> [01.04.2015].

** J. Kofta, *Gwóźdz*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 63.

²⁴ [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr1/21.shtml> [01.04.2015].

²⁵ *По диким стенам Забайкалья*, [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/np2/29.shtml> [01.04.2015].

²⁶ J. Kofta, *Gwóźdz*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 62–63.

²⁷ Н. Матвеева, *Девушка из харчевни*, [Электронный ресурс] <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=8772> [01.04.2015].

Если даже в польском тексте встречаются некоторые трансформации поэтического образа, чаще всего уточнения и небольшие замены (напр.: «То скрипок плач, то литавров медь» – «I słyżać cichy gitary śpiew»), которые обычно вызваны стремлением сохранить песенный характер произведения, то они не влияют на семантику песни в целом.

Точно такой же метод перевода был принят по отношению к романсу *Дорогой длинной*²⁸ – *Droga*²⁹, который обладает и другим польским «переводом», озаглавленным *To były piękne dni* со словами Кароля Сенковского. Этот текст ранее анализировался автором настоящей статьи³⁰. Кофта, несомненно, ближе к первоисточнику. Его произведение не только отвечает всем характеристикам романсного текста (сани, колокольчики, метель, слезы, снег, луна, мрак, ночь, ветер, длинная дорога, потерянная любовь), оно воссоздает поэтические образы подлинника и русский характер песни, и даже если тройку заменили нейтральные сани, но остались колокольчики (в первоисточнике бубенцы), кони, и дважды упоминается семиструнная гитара.

Переводом, хотя с большей степенью микроотступлений, можно считать и *Madame, opadają już liście...*³¹, передающим основной смысл и большинство поэтических образов песни Вертинского с таким же заглавием – *Мадам, уже падают листья*³². Конечно, здесь наблюдаются некоторые отступления в лексическом плане, прежде всего актуализация: «В своих голубых пижамах» – «Ty, pani w kostiumie *un peu*», семантические усиления: «Она меня сводит с ума...» – «Wiedziałaś jak bardzo cię chcę», «Я гибну в любовном огне!» – «Ja pragnę, ja chcę, ja rożdam», которые тоже можно считать видом адаптации – тушеванием намеков. Кроме этого, найдем у Кофты и замену поэтических образов: «И осень в смертельном бреду! / Уже виноградные кисти / Желтеют в забытом саду!» – «Jabłoni gałęzie się gną / Owoce dojrzały soczyście / I same się garną do rąk», и некоторое редуцирование образа, например, слова: «И даже рыбацьи баркасы / В далекое море ушли» – исчезли из польского варианта. Зато в нем появилась расширяющая подлинный (наблюдаемый в русском тексте) образ фраза: «Żegnałem kolegów artystów / Kończących najdłuższe tournée». Но все это не влияет на общий смысл песни.

²⁸ К. Подревский (сл.), Б. Фомин (муз.), [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr1/24.shtml> [01.04.2015].

²⁹ J. Kofta, *Droga*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 94.

³⁰ А. Bednarczyk, *Wierność przekładu a sukces tłumacza*, «Między oryginałem a przekładem» 2009, № XV, с. 31–33.

³¹ J. Kofta, *Madame, opadają już liście...*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 64–65.

³² А. Вертинский, *Мадам, уже падают листья*, [Электронный ресурс] <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=14979> [01.04.2015].

К берегу по Дунайским волнам

Итак, как мы заметили, тексты Кофты напоминают русские песни и романсы, но являются авторскими текстами польского поэта, другие представляют собой переделки русских произведений, как в случае пародий или песен, возникших на основе мотива, почерпнутого из русского первоисточника. Примером может послужить текст, озаглавленный *Jechali Cyganie*³³, первые слова которого частично повторяют начальную строку русской народной песни *Ехали цыгане* («Ехали цыгане с ярмарки домой»)³⁴, однако следующие за ними слова – это уже стихи Кофты:

Jechali Cyganie z targu prosto
Wszelkiego dobra pełny wóz
Každy wiózł
Jak złoty rubel słońce im świeciło ostro³⁵.

В сборнике появились и переделки, использующие всего лишь мотив, фразу или музыкальный пласт исходного произведения, как в случае упоминаемых нами *Koniec dnia* и *Już tylko się znatu*, а также произведения *Tabor*³⁶, базисом для которого стал музыкальный пласт песни *Льется песня*³⁷ с музыкой Валентина Кручинина (слова Михаил Лахтин), где кроме музыки использован образ цыганского табора:

<i>Льется песня</i>	<i>Tabor</i>
Веселой, шумною толпою цыгане табором идут. Всегда гитара под рукою, всегда играют и поют*.	Pozieleniała w stepie trawa Cyganski tabor idzie nim Mają gitary, konie, prawa I nikt im Nie narzuca Jak żyć**.

* М. Лахтин (сл.), В. Кручинин (муз.), *Льется песня*, [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr2/03.shtml> [01.04.2015].

** J. Kofta, *Tabor*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 70.

И, независимо от переделок, польский поэт являлся автором интереснейших переводов, верных исходному тексту в семантическом плане. Они появлялись наряду с описываемыми переделками. Например, одни песни Вертинского в обработке Кофты оказываются переделками, а другие – переводами.

³³ J. Kofta, *Jechali Cyganie*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 61.

³⁴ *Ехали цыгане*, [Электронный ресурс] <http://a-pesni.org/romans/zagulamol.htm> [01.04.2015].

³⁵ J. Kofta, *Jechali Cyganie...*, с. 61.

³⁶ J. Kofta, *Tabor*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 70–71.

³⁷ М. Лахтин (сл.), В. Кручинин (муз.), *Льется песня*, [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr2/03.shtml> [01.04.2015].

Последнее, на что следует обратить внимание, – это вопрос об авторе музыкального текста. Интересно отметить, что в случае многих песен-переделок Кофты как композитор указан Вертинский, хотя на самом деле он им не являлся. Более того, даже на пластинке *Старинные русские романсы*, которую Бернард Ладыш записал в 1988 году в честь Кофты, именно Вертинский указан как автор музыки³⁸. Он оказался здесь композитором не только романса *Дорога длинная* и песни *Бродяга*, но и такого известного произведения, как сочиненный Ионом Ивановичем вальс *Дунайские волны*, на музыку которого Кофта написал песню, озаглавленную *Był bal*³⁹.

Итак, применение русских слов, использование мотивов, характерных для романса, известных фраз и музыки, позволило создать впечатление русского романса, а приписываемое русскому автору сочинение – вальса Иванoviча – дает польскому реципиенту возможность поплыть Амуром по волнам Дуная.

Библиография

- [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr1/21.shtml> [01.04.2015].
- [Электронный ресурс] https://www.youtube.com/watch?v=j_R9d_FjTbs [01.04.2015].
- [Электронный ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=rNSVwaYaDVM>. [01.04.2015].
- Bednarczyk A., *Wierność przekładu a sukces tłumacza*, «Między oryginałem a przekładem» 2009, № XV: *Obcość kulturowa jako wyzwanie dla tłumacza*.
- Kofter J., *Anastazja*, [в:] он же, *Co to jest miłość. Wiersze i piosenki zebrane*, Warszawa 2011, т. 2
- Kofter J., *Bajkał*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Droga*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Dwie gitary*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Fale Amuru*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Gwóźdz*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Jechali Cyganie*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Już tylko się znamy (nic więcej)*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Koniec dnia*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Liliowy Negr*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *List z Singapuru*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Madame, opadają już liście...*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Oczy czornyje*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Płoń, moja gwiazdo*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Romans I*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Tabor*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kofter J., *Valse triste*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*
- Kup mi jedną grubą i jedną cienką*. О Jonaszu i jego twórczości rozmawiają Jaga Kofter i Piotr Kofter, [в:] J. Kofter, *Co to jest miłość...*
- Ładysz B., *Stare romanse rosyjskie*, ARSTON 1988.

³⁸ B. Ładysz, *Stare romanse rosyjskie*, ARSTON 1988.

³⁹ J. Kofter, *Był bal*, [в:] он же, *Co to jest miłość...*, с. 53–54.

- Вертинский А., *Лиловый негр*, [Электронный ресурс] <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=14977> [01.04.2015].
- Вертинский А., *Мадам, уже падают листья*, [Электронный ресурс] <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=14979> [01.04.2015].
- Герман П. (сл.), Фомин Б. (муз.), *Только раз бывают в жизни встречи*, [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr3/27.shtml> [01.04.2015].
- Гребинка Е., *Очи черные*, [Электронный ресурс] <http://maysterni.com/publication.php?id=32023> [01.04.2015].
- Ехали цыгане*, [Электронный ресурс] <http://a-pesni.org/romans/zagulalmol.htm> [01.04.2015].
- Кюсс М. (муз.), Попов С., Васильев К. (сл.), *Амурские волны*, [Электронный ресурс] <http://romance.ru/cgi-bin/index.cgi?page=143&item=809&sort=H1&pagenum=0> [30.03.2015].
- Лахтин М. (сл.), Кручинин В. (муз.), *Льется песня*, [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr2/03.shtml> [01.04.2015].
- Матвеева Н., *Девушка из харчевни*, [Электронный ресурс] <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=8772> [01.04.2015].
- Пеньковский Л. (сл.), Прозоровский Б. (муз.), *Мы только знакомы (Спокойно и просто)*, [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr2/12.shtml> [01.04.2015].
- По диким степям Забайкалья*, [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/np2/29.shtml> [01.04.2015].
- Подревский К. (сл.), Фомин Б. (муз.), [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr1/24.shtml> [01.04.2015].
- Чуевский В. (сл.), Булахов П. (муз.), *Świeć gwiazdo moich dobrych dni*, пер. Т. Rubnikowicz, [Электронный ресурс] http://www.tekstowo.pl/piosenka,ludowa_rosyjska,_1043_1086_1088_1080___1075_1086_1088_1080___1084_1086_1103___1079_1074_1077_1079_1076_1072___gori.html [01.04.2015].
- Чуевский В. (сл.), Булахов П. (муз.), *Гори, гори моя звезда*, [Электронный ресурс] <http://pesni.retroportal.ru/sr1/21.shtml> [01.04.2015].